

На правах рукописи

ПЕНЬКОВА Яна Андреевна

**ФИНИТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ОСНОВЫ *БУД*- В ЯЗЫКЕ
ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XII – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XVI ВВ.**

(МОРФОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, СИНТАКСИС)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук доцент
Шевелева Мария Наумовна,
доцент кафедры русского языка
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
член-корреспондент РАН
Гиппиус Алексей Алексеевич,
ведущий научный сотрудник
лаборатории лингвосомиотических
исследований
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»

кандидат филологических наук
Мишина Екатерина Андреевна,
научный сотрудник
отдела лингвистического
источниковедения и истории русского
литературного языка
Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Ведущая организация: Санкт-Петербургский
государственный университет

Защита диссертации состоится «29» февраля 2012 года в _____ на
заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при Московском
государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991
ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический
факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « » _____ 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию семантических и синтаксических особенностей личных глагольных форм от основы *буд-*, в состав которых входят презенс¹ типа **БУДЕТЬ**, функционирующий в качестве полнозначного, вспомогательного глагола (в том числе в составе т.н. будущего сложного II) и в роли глагола-связки, имперфект типа **БУДАШЕ** и императив типа **БУДИ**.

Отдельные аспекты семантики и синтаксиса образований от основы *буд-* не раз становились объектом изучения. Наибольший интерес исследователей вызывала форма т.н. будущего сложного II (далее – *будет* + л), описание семантико-синтаксических особенностей которой находим в работах А.А. Потебни, А.И. Соболевского, П.С. Кузнецова, Г.А. Хабургаева, А.А. Зализняка и др.². Формы имперфекта СВ, в том числе **БУДАШЕ**, подробно исследованы в работах Ю.С. Маслова³. Э.К. Мустафиной описаны формы от основы *буд-* в ПВЛ⁴. Однако перечисленные исследования ограничиваются или рамками одной структуры, или рамками одного памятника, и многие синтаксические и семантические особенности глагольных образований, объединенных общей основой *буд-*, эволюция этих структур, а также диалектные различия в их употреблении остались неизученными, тем более что материал более поздних источников мало привлекал внимание исследователей.

Таким образом, до настоящего времени не было проведено комплексного изучения семантики и синтаксиса образований от основы *буд-* на материале памятников, охватывающих период XII – I пол. XVIвв., чем и определяется **актуальность** исследования.

Необходимость специального изучения глагольных форм с основой *буд-* обусловлена тем, что образования от этой основы в праславянском представляли собой формы самостоятельной лексической единицы⁵, а в древнерусском обнаруживают существенные отличия от других форм глагола **БЫТИ** на семантическом и синтаксическом уровнях.

Важные наблюдения относительно семантики образований от *буд-* содержат работы Г.А. Хабургаева и его ученицы Э.К. Мустафиной. Ими показано, что основе *буд-* присуще особое модальное значение предположительности, которое на современный русский язык переводится приблизительно как 'окажется'. Однако

---

¹ Вслед за А.В. Исаченко под формами презенса понимаются синтетические формы настоящего-будущего времени от основ обоих видов, см.: *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. М., 2003. С. 441.

² *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. Харьков, 1888. С. 291; *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907/2005. С. 245-246; *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953/2005. С. 197; *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997. С. 316-319; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 177.

³ *Маслов Ю.С.* Избранные труды. М., 2004. С. 141-176.

⁴ *Мустафина Э.К.* Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

⁵ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. М., 1976. С. 155.

полного описания семантики образований от *буд-* не проводилось. Синтаксические особенности форм от этой основы специальному изучению до сих пор вообще не подвергались.

Между тем синтаксическая сочетаемость образований от основы *буд-* в ходе истории русского языка претерпела серьезные изменения. *Будет* в древнерусском мог употребляться в составе конструкций с бессубъектным инфинитивом (безличный *будет* + инфинитив + Dat.), отсутствующих в современном русском литературном языке, и, напротив, не сочетался с субъектным инфинитивом несовершенного вида, в соединении с которым образует в современном русском языке аналитическую форму будущего времени глаголов несовершенного вида.

Древнерусский *будет* употреблялся также в составе конструкции *будет* + л, которая впоследствии подверглась синтаксическому реанализу: л-форма переосмыслилась как претерит, а *будет*, утратив предикативные категории, послужил одним из источников возникновения условного союза и модальной частицы *буде(m)*, представленных в языке XVI-XVII вв. и в современных северных говорах.

В древнерусском языке императив от основы *буд-* употреблялся не только в форме 2 лица, представленной в современном языке, но и в форме 3 л. ед.ч. Транспонированное употребление этой формы в составе конструкций с обобщенно-уступительным значением «местоимение + **ни буди**» привело к появлению нового класса неопределенных местоимений с формантом *-нибудь*, отсутствовавших в древнерусском языке.

Наконец, помимо форм презенса и императива, в памятниках древнерусской письменности фиксируется образованная от основы *буд-* форма простого претерита – имперфект совершенного вида **БУДАШЕ**, тогда как в современном русском языке основа *буд-* связана исключительно с выражением футуральной семантики.

Целью диссертационного исследования является комплексное описание синтаксических и семантических особенностей финитных форм от основы *буд-* и конструкций с ними по данным памятников русской письменности XII - 1 пол. XVI вв. различной жанровой и диалектной принадлежности, выявление тенденций и механизмов эволюции данных структур (в том числе развития на базе образований от основы *буд-* условного союза *буде(m)*, других служебных слов и форманта *-нибудь*), а также диалектных особенностей в истории этих структур.

Для достижения указанной цели в работе поставлены следующие **задачи**: выявить все типы употребления форм от основы *буд-*; описать семантические особенности и синтаксические функции этих форм в контекстах различных типов; сопоставить выявленные семантико-синтаксические особенности образований от основы *буд-* в ранних и поздних памятниках в рамках исследуемого периода; сопоставить данные памятников различной диалектной принадлежности; выявить особенности употребления форм от основы *буд-* в книжных и некнижных контекстах и сопоставить полученные результаты.

Исследование осуществлено на базе сплошной выборки контекстов с финитными формами от основы *буд-* с применением таких **методов** исследования, как аналитическое описание, лингвистическое обобщение, сопоставление, функциональный и семантический анализ с привлечением семантического языка толкований, обработка статистических данных.

Материалом для исследования послужили памятники русской письменности XII – 1 пол. XVIвв. различной территориальной локализации и жанровой принадлежности (деловая письменность, летописи и жития), что позволяет наиболее полно представить все особенности употребления образований от основы *буд-* как в раннедревнерусский период, так и в более позднее время вплоть до середины XVIв.

1) Деловая письменность:

- *Русская правда* (далее РП) - древнейший юридический памятник, в устной традиции возникший еще в дописьменную эпоху и заложивший основы делового языка Древней Руси⁶, дошел до нас в списках конца XIIIв. и середины XV в.; *краткая редакция* (в составе Новгородской первой летописи младшего извода) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М., 2000. С. 176-180; *пространная редакция* - по изд.: Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века. СПб., 1888.
- *Смоленские грамоты* (далее – СГ) XIII-XIVвв. – по изд.: Смоленские грамоты XIII-XIVвв. М., 1963.
- *Новгородско-псковские грамоты* XII-XVвв. – по изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- *Московские грамоты* XIV-XVвв. – по изд.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVIвв. М., 1950.

2) Летописи.

а) Северо-западные:

- *Новгородская первая летопись старшего извода* по Синодальному списку (НПЛС) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М., 2000.
- *Новгородская первая летопись младшего извода* по Комиссионному списку (НПЛК) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М., 2000.
- *Рогожский летописец* (РЛ) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- *Псковская вторая летопись* (Пск. 2 лет.) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.
- *Псковская третья летопись* по Строевскому списку (Пск. 3 лет.) – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.

б) Южнорусские летописи:

- *Киевская летопись* (КЛ) по Ипатьевскому списку - по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- *Галицко-Волынская летопись* (ГВЛ) по Ипатьевскому списку – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

в) Летописи Центра:

- *Суздальская летопись* (СЛ) по Лаврентьевскому списку – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

---

⁶ Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187-291.

- *Никоновская летопись* за 1 пол. XVI в. – по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

3) Жития.

а) Оригинальные древнерусские жития из Успенского сборника к. XII – н. XIII в.:

- *Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ)* - по изд.: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.
- *Житие Феодосия Печерского (ЖФП)* – по изд.: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

б) *Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ)* в древнерусском переводе к. XI – н. XII в. (по списку Тип. №182, дополненному по списку Сол. №216) – по изд.: Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

В диссертации материал поздних житийных текстов не привлекается, поскольку летописные памятники, в особенности Никон. лет. за 1 пол. XVI в., включающая книжные послания митрополита Макария и другие вставные тексты книжного характера, содержат большое число книжных контекстов, которые дают богатый материал, позволяющий исследовать книжные употребления структур с глагольными образованиями от основы *буд-*.

Таким образом, в диссертации исследуются тексты, принадлежащие разным сферам (регистрам) древнерусской письменности. РП и пергаменные грамоты относятся к деловой письменности. Как показано В.М. Живовым, общим принципом организации некнижных текстов является ситуационное упорядочение информации, что сближает язык деловых текстов с языком устного общения⁷. Таким образом, исследование конструкций с *будет* в деловом языке позволяет делать выводы о функционировании таковых и в языке живом.

Летописи формируют т.н. гибридный регистр, характеризующийся интерференцией книжных и некнижных языковых средств⁸. Так, в КЛ отчетливо выделяются два компонента: прямая речь светских лиц, имеющая в языковом плане сходные черты с РП и ранними берестяными грамотами, и авторская речь летописца и прямая речь церковных лиц, обладающая более высокой степенью книжности⁹. НПЛ и Строевский список Пск. 3 лет., отражают большое число элементов некнижного, в том числе и диалектного синтаксиса¹⁰, что позволяет выявить диалектные особенности в употреблении форм от основы *буд-*.

Жития, как известно, принадлежат сфере т.н. стандартного церковнославянского языка и позволяют судить об особенностях употребления исследуемых образований в книжной письменности.

ЖАЮ, однако, отличается от большинства агиографических текстов тем, что язык данного памятника содержит большое число черт гибридного регистра¹¹. Высокое качество перевода ЖАЮ позволяет сопоставить древнерусский текст с

⁷ В.М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. М., 2004. С. 44-77.

⁸ Там же.

⁹ См. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 51.

¹⁰ Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909. С. 78; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 12.

¹¹ Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 149.

тестом греческого оригинала с целью выявления семантических особенностей рассматриваемых форм¹².

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в работе впервые на материале широкого круга памятников XII – 1 половины XVI вв. различной жанровой, временной и территориальной принадлежности осуществлено комплексное описание семантики и синтаксиса презенса, будущего сложного II, имперфекта и императива от основы *буд-*; выявлены тенденции развития данных образований.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нём осуществлено описание всех типов употребления финитных образований от основы *буд-* по данным памятников русской письменности различной жанровой и региональной принадлежности на интервале XII – 1 пол. XVI вв., выявлены направления и основные этапы эволюции этих образований на протяжении указанного периода; высказаны предположения о возможных причинах этих изменений, а также механизмах, действовавших на том или ином этапе исторического развития описываемых структур. Изучение всех типов употребления образований от основы *буд-* позволило установить степень участия тех или иных структур с указанными формами в процессе формирования условного союза и модальной частицы *буде(т)* в диалектах центра и северо-запада. В диссертации также подробно исследованы вопросы, связанные с зарождением тенденции к морфологизации **ни бѹди** в составе форманта неопределенного местоимения, и проблемы диалектных различий в употреблении различных типов структур с образованиями от основы *буд-* на протяжении исследуемого периода.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в курсах и пособиях по исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка. Наблюдения и выводы диссертации могут послужить уточнением к словарным статьям, посвященным глаголу **быти**, в исторических словарях.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Семантико-сочетаемостные свойства *будет* объясняются наличием модально-перцептивного компонента 'начнет существовать в поле зрения/ сознании наблюдателя', благодаря которому *будет* ведет себя в большинстве употреблений как предикат происшествия и обладает свойством моментальности.

2) Частотность полнозначительного *будет* в контекстах хабитуальной семантики могла способствовать развитию у *будет* модального значения предположительности.

3) Конструкция *будет* + л обладает в древнерусском языке не столько футуральной, сколько модальной семантикой предположительности и уже в раннедревнерусский период может употребляться как по отношению к ситуациям, отнесенным к плану будущего, так и к ситуациям в настоящем и прошлом. Употребление *будет* + л подразумевает существование некоторого аспекта обозначаемой ситуации, который неизвестен говорящему.

---

¹² Там же. С. 104-105.

4) Конструкция *будет* + л к XV веку превращается в одну из черт языка московской деловой письменности, а в деловом языке северо-запада практически выходит из употребления.

5) Тенденция к сближению с условным союзом охватывает большинство структур с *будет*: прежде всего, конструкцию *будет* + л, а также т.н. вводящий *будет*, *будет* + инфинитив + Dat., вводящую тему структуру **а кто/что БУДЕТ** + nom/gen, *будет* + причастие на *н/т*, *будет* + наречие/категория состояния.

6) Предложения условного и местоименно-соотнесительного типов играют ключевую роль в процессе функционального сближения *будет* с условным союзом.

7) Условный *будет* возникает в говорах Центра, где превращается в одну из черт языка деловой письменности.

8) Связочные структуры с *будет*, в которых рассматриваемый глагол зачастую утрачивает перцептивно-модальный семантический компонент, не связаны с процессом превращения *будет* в условный союз. С другой стороны, эти структуры могли оказать влияние на распространение конструкций аналитического будущего типа *буду* + инфинитив, в которых *будет* также лишен модально-перцептивной семантики и обозначает лишь тот факт, что называемая инфинитивом ситуация относится к плану будущего.

9) В употреблениях императива *буди* уже в ранний период выделяются контекстуальные модальные разновидности, по-видимому, являющиеся производными от прямого императивного значения данной формы. Уже в древнерусский период намечается тенденция к сближению *буди* с разрядом служебных слов.

10) Тенденция к морфологизации **ни БУДИ** в качестве форманта неопределенного местоимения зарождается в говорах Центра и связана с особенностями употребления конструкций «местоимение + **ни БУДИ**» в этой диалектной зоне.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в докладах на международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008», «Ломоносов-2009», а также в трех статьях (две из них – в изданиях, рекомендованных ВАК) и тезисах международных научных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007», «Ломоносов-2008», «Ломоносов-2009». Диссертация обсуждена на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (декабрь 2011 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются тема и проблематика работы, формулируются цели и задачи исследования, дается краткая характеристика исследованных памятников.

В **первой главе** описываются употребления полнозначительного *будет*.

Как показало исследование, у полнозначительного *будет* в древнерусском языке выделяются следующие значения:

1) 'существовать-оказаться', ср: **НЕ БУДЕТЬ** ЛИ ТАТА ЧТО ПО СЛЕДОУ ЖЕНОУТЬ 'если не окажется (не обнаружится) вора, то гонятся по следу' [РП: 18];

2) 'появиться, возникнуть', ср.: ... **КГДАЖЕ ХОЦЕТЬ** ДА ТВОРИТЬ ДОЖДЬ ДА **БУДЕТЬ** ОБЛО ТАКО ЗЕРНО СХОДА НА ЗЕМЛЮ КЖЕ ЗОВЕМЪ ГРАДОМЪ 'когда пожелает (Господь), творит дождь, и появляется шар, как зерно, сходящий на землю, который (мы) называем градом' [ЖАЮ, 4417-4419];

3) 'произойти, случиться', ср.: **ДЪТИ** НАШЪ **ВИДЪЛЪ** УЖЕ РАТЬ СТОИТЬ ЗА ГОРОЮ... А ПОШЛЕТЕ ЛЮДИ ДОБРЫИ ...АТЬ ОУСМОТРАТЬ ШТО **БУДЕТЬ** '...пусть произведут осмотр/осмотрят, что (там) окажется (случится на самом деле)' [ГВЛ, 290, 1274г.];

4) 'наступить (о времени)', ср.: **АЦЕ** ХОЩЕШИ ПОТРЪПИ МАЛО ДОНДЕЖЕ ГОДЪ **БУДЕТЬ** ВЕЧЕРНИИ 'если хочешь, подожди немного, пока не наступит вечернее время' [ЖФП, 40в];

5) 'продлиться', ср.: **А** ЦРСТВО ЕГО **БУДЕТЬ** •Л• И •В• ЛЪТ 'правление его продлится (к этому времени) 32 года' [ЖАЮ, 5150-5152];

6) неагентивное 'пребывать, оказаться в месте L', ср.: **А** ВО ЧЬЕМ **УДЪЛЕ** КОТОРОЕ МОЕ СЕЛО **БУДЕТ** И ПЪТИ, ИНО ТОМУ **СНЪ** И ТЪ СЕЛА И ПЪТИ 'а во чьем уделе окажется какое-нибудь из моих сел или путей, тому из сыновей те села и пути принадлежат' [ДДГ, № 17, ок. 1401-1402гг.];

7) агентивное 'прибыть, появиться в месте L', ср.: ...**ПРИДЕ** **ВЪСТЬ** КО ПСКОВОУ, ЧТО КОРОЛЬ ТЫМИ ЧАСЫ **БУДЕТЬ** В ПОЛОЧКУ '... пришло известие во Псков, что король в это время появится в Полоцке' [Пск. 3 лет., 125-125 об., 1470г.];

8) 'достаться, перейти в собственность', ср.: **И** РЕЧЕ **СВЯТОСЛАВЪ**... **ОТРОКОМЪ** СВОИМЪ: **ВОЗМЪТЕ**, КОМУ ЧТО **БУДЕТ** 'и сказал Святослав... отрокам своим: возьмите, что кому достанется' [НПЛК-ПВЛ, 40 об., 971г.].

Древнерусский *будет* в большинстве своих употреблений (за исключением агентивного 'прибыть') функционирует в качестве предиката происшествия и содержит в семантике модально-перцептивный компонент 'начнет существовать в поле зрения/сознании наблюдателя'. В большинстве приведенных выше примеров речь идет не о том, что объект существует или ситуация имеет место, а о том, что это в определенный момент станет известно, актуально, т.е. возникнет (появится) в восприятии наблюдателя. Так, примерное толкование для *будет* в примере 1 выглядит следующим образом:

'До момента времени *t* объект существует в мире, но отсутствует в поле зрения Наблюдателя;

В момент времени *t* произойдет нечто, что каузирует наступление нового состояния: объект существует в поле зрения Наблюдателя'.

Следы указанной семантической особенности *будет* можно найти и в современном русском языке, ср: *Вы какой, извиняюсь, будете нации?* (С. Довлатов, Компромиссы - пример Ю.Д. Апресяна¹³). К будущему здесь отнесен только момент обнаружения того положения дел, которое уже существует в момент речи, однако является неизвестным для говорящего.

¹³ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 513-514.

Как показывают исследованные памятники, одной из возможных причин возникновения этого модального значения могла послужить способность полнозначительного *будет* более широко употребляться в контекстах узуального характера. Эти контексты фиксируются в наиболее архаичных из исследованных памятников, ср. примеры из ЖАЮ и ПВЛ: **егда бо на западѣ бѹдетъ тогда сходитъ** 'когда же окажется на западе (о солнце), тогда заходит' [ЖАЮ, 5720-5721]; **не печется о дому своемъ мужь ея, егда гдѣ бѹдетъ** 'не заботится о доме своем муж ее, когда где бывает' [НПЛК - ПВЛ, 45 об., 980г.]. Возможность семантического развития по пути 'хабитуальность' → 'возможность' → 'футуральность' подтверждается типологически¹⁴.

По тому же пути, по-видимому, развивается и значение предположительности у *бывать* в современных русских говорах, ср.: *Олѣха-то не знай где, бывае в загуле опять* '...наверно, в загуле опять' (Пин. Нюх.)¹⁵

Будет в значении 'существовать-оказаться' и 'произойти, случиться', а также в ряде других употреблений обнаруживает в поздних памятниках тенденцию к функциональному сближению с условным союзом, употребляясь преимущественно препозитивно. Кроме того, в московских грамотах XIV-XV вв. и в более ранний период в летописях *будет* фиксируется в составе конструкции **а кто/что бѹдетъ**, вводящей тему. Структуры данного типа с семантико-синтаксической точки зрения сближаются с протазисом условной конструкции, *будет* в них постепенно начинает утрачивать предикативность и превращаться в условный союз, ср.: **А что бѹдѹт поклажен моихъ богаръ, Семеновы Федорович(а) или иныхъ богаръ моихъ, и что того тебе дошло, великого кн(а)зя, и тобѣ то отъдати по сему целованью** [ДДГ, № 30 а, 1433г.].

Вторая глава посвящена конструкции *будет* + л.

Как показало исследование, конструкция *будет* + л может иметь 2 типа употреблений: стательное-перфектное, представленное только в наиболее архаичных памятниках (РП, ЖАЮ), и акционально-перфектное, основное для данной структуры. В первом случае конструкция обозначает возможность обнаружения некоторого состояния, ср. **егда (так!) како пригорѣло бѹдетъ да начнетъ смѣрдѣти** 'вдруг, когда окажется, что пригорело блюдо (блюдо окажется пригоревшим), то станет дурно пахнуть' [ЖАЮ, 1374-1377]; во втором - результат некоторого предшествующего действия, ср.: **...уже бѹдетъ твоимъ повелениемъ се оучинилъ се же ти повѣдаю брате мои не тага послалъ есмь возводитъ Татаръ** '...если окажется, что (он) по твоему повелению это сделал, то я тебе так скажу не тая: я послал привести татар' [ГВЛ, 305об., 1289г.].

¹⁴Татевосов С.Г. Есть – бывает – будет: на пути грамматикализации // Исследования по теории грамматикализации. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.

¹⁵ Пример из: *Пожарицкая С.К.* Модальные слова, производные от глаголов БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. №1 (19).

Материал исследованных памятников свидетельствует о том, что *будет* + л обладает не столько футуральной, сколько модальной семантикой и уже в раннедревнерусский период может употребляться как по отношению к ситуациям, отнесенным к плану будущего, так и к ситуациям в настоящем и прошлом (см. примеры выше). Эта способность развилась у конструкции *будет* + л не в позднедревнерусский период, а отмечается уже в наиболее архаичных из исследованных памятников (ЖАЮ) и, по-видимому, напрямую не связана с переосмыслением л-формы как претерита, - она объясняется перцептивно-модальным компонентом в семантике *будет*, благодаря которому ситуация, называемая структурой, мыслится для говорящего как предполагаемая, вероятная, но не как реальная.

В исследованных летописях и житиях конструкция *будет* + л употребляется в различных типах структур и отнюдь не закреплена за предложениями условного и местоименно-соотносительного типов, как традиционно считалось.

Так, в ЖАЮ конструкция *будет* + л зафиксирована в прямой, косвенной речи и в нарративе в различных синтаксических структурах, а наибольшее число случаев представлено в главной части сложноподчиненного предложения или в независимом употреблении, ср.: **пРЕДАМЪ КГО ДХОВИ НЕЧИСТУ БУДЕТЬ ХОДИЛЪ БЪСАСА** ‘...и станет ходящим, беснуясь (беснующимся)’ [ЖАЮ, 3409-3411].

Большинство этих типов употреблений *будет* + л представлено и в летописях, в особенности в прямой речи КЛ (ср.: **азъ ти есмь съ бРАМЪ ТВОИМЪ С ВОЛОДИМЕРОМЪ ѠСЕЛЪ ОУЖЕ ПОШЕЛЪ А ТЫ ПОИДИ ѠТОЛЪ СКУПАСА ВЕСЬ А ВЪДАЛЪСА БУДЕТЬ ВОЛОДИМЕРЪ КОГО ЗАЕМЪ** ‘я с братом твоим Владимиром отсюда уже ушел, а ты уходи оттуда, собрав всех людей, чтобы стал узнавшим Владимир (букв.: а узнавшим станет Владимир), кого захватил’ [КЛ, 1150г., 147об.]), и, следовательно, могло быть характерно и для живого древнерусского языка.

Разнообразие форм, переводимых на древнерусский язык с помощью конструкции *будет* + л (греческий аорист, перфект, имперфект, конъюнктив, инфинитив и некоторые свободные сочетания глагола с именной группой или с причастием), показывает, что переводчик руководствовался не столько формой, сколько семантическими особенностями каждого конкретного контекста, и позволяет выявить те семантические признаки, которые характеризуют эту структуру в древнерусском. Во-первых, это перфектная семантика, выражающая связь двух временных планов, предшествующего и последующего; во-вторых - нереферентный тип ситуации; в третьих - значение предположительности или даже ирреальности, которое может быть представлено следующими семантическими разновидностями: 1) говорящий предполагает возможность наступления ситуации в будущем (ср.: **ДА ЗАНЕЖЕ НЕ БУДЕТЬ В ТО ВРЕМЯ МЪЖА ДОБРА НЪ ВСИ БУДУТЬ ПОГЫБЛИ** ‘и так как не будет в то время здоровых людей, но окажется, что все они погибли’ [ЖАЮ, 5316-5317]); 2) говорящий предполагает возможность существования ситуации в настоящем на основании наблюдаемого им или на основании известных ему фактов и законов бытия (ср.: **ДРУЗЪБИ ГЛХУ КТО ВЪСТЬ АЩЕ ЛИ ОУСТРАВИЛСА БУДЕТЬ ДА ПЛАЧЕТСА СВОКІА ЛИШЕНЫ ЧАСТИ** ‘другие сказали: «Кто знает, окажется ли, что (он) протрезвел (стал трезвым) и оплакивает свою несчастную судьбу»’ [ЖАЮ, 2592-2593].); 3) говорящий отрицает существование ситуации в настоящем (при этом говорящий знает истинное положение дел,

неизвестное для адресата, и представляет ситуацию с точки зрения адресата, для которого истинное положение дел обнаружится в будущем), ср.: **обыци ма аче ти ксьмь невѣрентъ тако пришесть ксьмь отаи и оукралъ бѹду ѿ плода сего нѣчто** ‘обыци меня, неверен ли я тебе (в том, что) я пришел тайно и, возможно, украл (окажусь укравшим) какой-нибудь из этих плодов’ [ЖАЮ, 2423-2425].

В текстах делового регистра, в отличие от летописей и житий, конструкция *будет* + л фиксируется преимущественно в протазисе условной конструкции (в текстах XII-XIII вв., ср.: **аже бѹдоутъ свободнии с нимъ крали или хоронили то князю въ продаже** ‘если окажется, что свободные (люди) с ним воровали и прятали...’ [РП: 24]) или в придаточной части местоименно-соотносительного предложения (в грамотах XIV-XV вв.), ср.: **а хто бѹдетъ со мною не был на рати, а оу кого бѹдетъ что взято ... а тым ти тако же отдати по исправе** ‘а кто окажется со мною не бывшим на войне и у кого окажется что-либо взято... тем тебе также надлежит отдать по принятому решению’ [ДДГ, №9, 1375г.].

Выявленная тенденция к распределению различных типов структур в памятниках различной степени книжности связана с процессом сближения *будет* с условным союзом. Началом этого процесса является разрушение синтаксической связи между компонентами конструкции *будет* + л, которая подвергается синтаксическому реанализу: л-форма переосмысливается как претерит, а *будет*, утрачивая функцию предикативного центра, - как показатель модальности, который в дальнейшем теряет согласовательные категории и застывает в форме **бѹдетъ**, функционируя в роли условного союза или модальной частицы.

На материале исследованных памятников удалось проследить, как у *будет* происходит развитие условной семантики и функциональное сближение с условным союзом. В деловой письменности раннедревнерусского периода *будет* + л употребляется преимущественно в протазисе условной конструкции (см. пример выше), благодаря чему *будет* вбирает в себя условную семантику.

В позднедревнерусский период характер употреблений конструкции *будет* + л резко изменяется. К XIV в. данная структура перестает встречаться в протазисе условной конструкции, основной сферой употребления *будет* + л становятся предложения местоименно-соотносительного типа (см. пример выше), которые играют ключевую роль в процессе функционального сближения *будет* с условным союзом. Рассматриваемый глагол в подавляющем большинстве контекстов занимает начальную позицию, характерную для условного союза, пропуская вперед только местоимение.

Формульный характер структур типа **а кто/что/гдѣ бѹдетъ**, их препозитивное употребление и осложненно-распространенный характер предложений с этими структурами способствуют тому, что коррелятивная связь между частями местоименно-соотносительного предложения ослабевает. В начальных структурах типа **а что бѹдетъ** + л местоимение **что** оказывается семантически пустым и, с одной стороны, не кореферентным корреляту **то** в главной части, а с другой - не связанным с предикатом придаточной части, одноименная валентность которого заполняется именем существительным, ср. пример, в котором объектная валентность предиката **штнал** заполняется именем **мѣста**: **А что бѹдетъ штнал дѣд твои, княз(ь) велики Олег Иванович... Татарская мѣста и Мордввская, а то**

ТЕБѢ И ЕСТЬ 'а что если окажется, что отнял дед твой, князь великий Олег Иванович, места татарские и мордовские, то они тебе и есть (принадлежат)' [ДДГ, №47, 1447г.].

В начальных структурах типа **а кто/гдѣ бѹдет** местоименное слово также перестает соотноситься с коррелятом главной части и, по-видимому, начинает функционировать в роли неопределенного, ср. пример, в котором встречаем местоимение **ино**, отсылающее ко всей ситуации, описываемой в придаточной части: **А кому бѹду давал своим кн(ѡ)з(ѣ)мъ, и богаромъ, и дѣтем богарским свои села в жалованье, или хотѣ и в куплю кому дал, ино тѣ мои села моим дѣтем** 'А если окажется, что я кому-нибудь давал из своих князей, и бояр, и служилых людей свои села в жалование, или хотя и продал кому-нибудь, то те мои села моим детям' [ДДГ, №61 а, 1461-1462гг.].

В результате происходит переосмысление нерасчлененных местоименно-соотносительных предложений в качестве расчлененных условных и вытеснение местоимения из препозитивного употребления. *Будет* начинает употребляться в абсолютном начале придаточной части, выполняя при этом функцию условного союза, ср. **и бѹдетъ похочетъ манстръ, и онъ бы былъ самъ, да и вискѹпъ, сами за свои вины были челомъ** [Никон. лет., 297, 1558г.].

Материал исследованных памятников свидетельствует о том, что условный *будет* из конструкции *будет* + л, чрезвычайно частотной в грамотах Москвы, возникает, по-видимому, именно в говорах Центра, где превращается в одну из черт языка деловой письменности. Северо-западные памятники активной тенденции к сближению *будет* с условным союзом не отражают.

В третьей главе рассматриваются конструкции *будет* с инфинитивом: безличная *будет* + инфинитив + Dat. и личная *буду* + инфинитив.

Как показало исследование, безличная конструкция *будет* + инфинитив + Dat. (субъекта) в зависимости от особенностей контекста обозначает возможность или неизбежность обнаружения в будущем факта наступления (при инфинитивах совершенного вида) или существования (при бесприставочных, т.н. «не охарактеризованных» по виду инфинитивах) ситуации, ср.: **а где ми бѹдетъ въсести на конь, всести вы со мною** [ДДГ, № 2, ок. 1350-1351гг.] 'а где мне ни придется/понадобится/случится идти в поход, вам идти со мною'; **ажѣ бѹдетъ князю городъ роувити ни к городу а поборомъ и тотарьчиною ко князю** 'если случится князю город строить, то они (живущие в той местности люди) относятся к городу, а подати платят князю' [ГВЛ, 299, 1287г.].

В составе структуры более частотен инфинитив совершенного вида, несколько менее частотны бесприставочные инфинитивы, «не охарактеризованные» по виду, а инфинитивы производных имперфективных основ несовершенного вида практически не употребляются (исключение – **имати**), что согласуется с указанными выше семантическими особенностями *будет*, который обозначает факт наступления или появления ситуации в поле зрения наблюдателя.

В употреблении конструкции *будет* + инфинитив + Dat. в памятниках обнаруживаются различия. Указанная структура является маркированно некнижной и употребляется только в деловой письменности и в наименее книжных

летописных памятниках: прямой речи КЛ, «волынской» части ГВЛ (в составе духовной грамоты князя Владимира) и в Никон. лет. за 1 пол. XVI в. в контексте делового характера. Эта структура, так же как *будет* + л, наибольшего распространения достигает в московских грамотах XV в., тогда как в новгородско-псковских грамотах на всем протяжении рассматриваемого периода представлена лишь единичными примерами, при этом, однако, фиксируется в современных псковских говорах. Возможно, рассматриваемая конструкция является одной из синтаксических черт московской деловой письменности наряду с *будет* + л, тогда как новгородско-псковские деловые памятники не знают такого широкого употребления структур с *будет*.

Соотношение типов структур, в которых употребляется конструкция *будет* + инфинитив (+Dat.), постепенно меняется. В ранних деловых и летописных памятниках *будет* + инфинитив (+Dat.) тяготеет к употреблению в протазисе условной конструкции, например: **аже боудѣтъ тѣрговати смолянинуоу съ немьчицею...** [СГ, дог. неизв. смол. князя с Ригою и готским берегом, [1223-1225]].

В московских грамотах XIV в. основными типами употребления рассматриваемой конструкции являются местоименно-соотносительные предложения и условно-временные предложения с союзом *коли*¹⁶, ср.: **а коли ми будѣтъ самому всестн на конь, а товѣ со мною** [ДДГ, № 11, 1389г.].

В грамотах XV в. наиболее часто рассматриваемая конструкция употребляется в предложениях с корреляционной связью, примеров *будет* + инфинитив (+Dat.) в условно-временных предложениях с союзом *коли* в XV веке становится меньше относительно других типов употребления, тогда как число контекстов с *будет* в роли единственного показателя условности (**а будѣтъ...**) резко возрастает и составляет около 40 %, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном функциональном сближении вспомогательного *будет* и в данной конструкции с условным союзом (ср. то же в гл. 2 о конструкции *будет* + л), ср.: **А будѣтъ тебѣ, великомѣ кн(а)зю Михаилѣ Борисовичю, с королем и с великим кн(а)з(е)мъ литовскимъ любов(ь) и докончанье взати, и тебѣ с ним докончанье взати с нами по дѣмѣ** 'а если случится тебе, великому князю Михаилу Борисовичу, заключить мир с королем и великим князем литовским, то тебе следует с ним заключать мирный договор, посоветовавшись с нами' [ДДГ, №79 а, 1484-1485 гг.].

Личная конструкция *буду* + инфинитив, являющаяся в современном русском языке аналитической формой будущего времени глаголов несовершенного вида (типа *буду писать*), в древнерусском языке отсутствовала - очевидно, потому, что *будет* в древнерусском обладал свойством моментальности, соответственно не мог представлять ситуацию в качестве членимой на фазы и в качестве контролируемой, зависящей от воли субъекта, - и, как следствие, не сочетался с инфинитивом несовершенного вида.

---

¹⁶ *Коли* не является условным союзом в чистом виде и объединяет в себе условную ('если') и временную ('когда') семантику, см.: Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941. С. 89-96.

Исследователи отмечают западное происхождение конструкции *буду* + инфинитив: в великорусских памятниках она встречается с XV в., тогда как в старобелорусских – уже с XIV в.¹⁷ Материал исследованных памятников подтверждает эти наблюдения: первые единичные случаи употребления *буду* + инфинитив фиксируются не ранее XV в., причем исключительно в памятниках, отражающих языковые особенности западных и северо-западных говоров (всего отмечено 4 примера в ДДГ в грамотах № 39 и № 60, фонетические особенности которых указывают на западное или северо-западное происхождение писавшего, и 2 - в Пск. 2 лет. в записи 1485 года), ср.: **А з великимъ княземъ московъскимъ, и з великимъ княземъ переславъскимъ, и з великимъ княземъ пронъскимъ хто БУДЕТЬ тага великага княженьа держати, с тыми намъ суд свои имети по старине** [ДДГ, №60, 1459г.]. Единственный пример употребления *буду* + инфинитив из в Никон. лет., связанной с традицией Центра, датируется более поздним временем – серединой XVI в.

Во всех примерах с *буду* + инфинитив рассматриваемый глагол не обнаруживает связи с условной семантикой, а в примерах, датируемых XV в., указанная структура употребляется для обозначения действий не однократного и процессуального, а узуального характера (ср. пример выше), причем в составе структуры представлены только бесприставочные не маркированные по виду инфинитивы. *Будет*, еще не утративший значения 'окажется', вносит семантические компоненты потенциальности и хабитуальности.

Четвертая глава посвящена употреблению *будет* в качестве глагола связки в составе именного сказуемого и в составе безличных структур с наречием, категорией состояния и предложно-падежной группой.

По мнению Б.В. Лаврова, преобразование *будет* в условный союз было наиболее естественно именно из именного сказуемого, так как «смысловой центр... здесь всегда был не на глаголе, а на имени»¹⁸. Однако, как показало исследование, структуры с именным сказуемым при *будет*, за исключением формулы **а кто БУДЕТ друг/недруг** и конструкции *будет* + причастие *н/т* (обеих - в деловом языке), не были вовлечены в процесс синтаксического реанализа и сближения рассматриваемого глагола с условным союзом.

Напротив, личные связочные употребления *будет*, весьма распространенные в памятниках, могли способствовать превращению *будет* в глагол с фазовой семантикой, способный к образованию личных конструкций с инфинитивом, которые впоследствии станут аналитическим способом обозначения будущего времени, на что указывал также П.С. Кузнецов¹⁹.

Как показало исследование, глагол-связка **БУДЕТ** употребляется в памятниках в двух семантических вариантах. Для первого семантического варианта 'окажется, обнаружится' характерно указание на одновременность

¹⁷ Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. С. 245; Горшкова К.В. Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 323.

¹⁸ Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941. С. 44.

¹⁹ Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. С. 236-254.

возникновения и обнаружения обозначаемой ситуации, для второго семантического варианта 'окажется, станет' – указание на одновременность.

Первый тип употребления встречается преимущественно в условных и местоименно-соотнесительных предложениях и в большей степени характерен для деловых памятников и других контекстов с книжными особенностями, ср.: **БОУДОУТЬ ХОЛОПИ ТАТЬЕ ... ИХЪ ЖЕ КНЯЗЬ ПРОДАЖЕЮ НЕ КАЗНИТЬ ЗАНЕ СОУТЬ НЕСВОБОДНИ** 'а если воры окажутся холопами, то их князь не облагает штрафом, потому что они несвободные (люди)' [РП: 12]. Второй тип - более частотный для связки **БУДЕТ** при именном сказуемом - фиксируется, как правило, в независимом предложении или в главной части сложноподчиненного и - чаще - в контекстах книжного характера. В этом употреблении зачастую *будет* вовсе склонен утрачивать модально-перцептивный семантический компонент (ни момент обнаружения, ни момент возникновения ситуации при этом не в фокусе), обозначая лишь сам факт того, что ситуация будет иметь место в будущем, ср.: **ГЛАГОЛЮЩЕ: МОЛИТВАМИ ТВОИМИ СЪХРАНЕНА БУДУ, ЧЕСТНѢЙШИИ ВЛАДЫКО, ОТ СѢТИ НЕПРИЯЗНЕНА** 'сказала: молитвами твоими сохранена буду, честнейший владыка, от сетей врагов' [НПЛК - ПВЛ, 34 об., 955г.]. Таким образом, можно говорить о традиционном распределении данных конструкций по текстам разных регистров.

Предположительно, данное распределение оказало влияние на дальнейшую судьбу этого глагола. У *будет* в значении 'окажется, обнаружится' на первый план выходит модальный компонент, благодаря чему рассматриваемый глагол впоследствии легко приобретает функции условного союза или частицы. У *будет* во втором случае (значение 'окажется, станет') в фокусе фазовый компонент 'станет', что способствует превращению данного глагола в неполнознаменательную связку и, возможно, возникновению и распространению структур типа *буду* + инфинитив с *буду*, лишенным модально-перцептивного семантического компонента 'окажется'.

Безличные структуры с *будет* мало представлены в памятниках. Преобладание рассматриваемых конструкций в грамотах XV века и практически полное их отсутствие в житиях (за исключением 2-х примеров из ЖАЮ) и малая представленность в летописях (фиксируются только в наименее книжных прямой речи КЛ, Пск. 3 лет. и Никон. лет. в некоторых частях) позволяет отнести рассматриваемые конструкции к маркированно книжным.

Московские грамоты свидетельствуют о наличии общих синтаксических особенностей у *будет* из безличных структур и *будет* из структур других типов, поскольку первые также обладают благоприятными условиями для перемещения предикативного центра с *будет* на наречие или категорию состояния, ср.: **А БУДЕТЬ МНЕ ЕГО САМОГО НАДОБЕ, А БУДЕТЬ ЕМУ ДОСУГЪ, И ЕМУ САМОМУ ПОИТИ** 'а окажется (если) мне он сам понадобится, а окажется (если) у него возможность, то ему самому пойти' [ДДГ, № 54, 1449г.].

Таким образом, у связочного *будет* выделяется две сферы употребления. *Будет* в условных и местоименно-соотнесительных конструкциях вбирает в себя значение условности и наиболее ярко реализует модальное значение 'окажется', превращаясь постепенно в условный союз или вводное слово – показатель субъективной модальности. *Будет*, встречающийся в независимых предложениях, напротив, постепенно утрачивает модальное значение и становится в современном

русском языке неполнозначенательной связкой и вспомогательным глаголом, образующим аналитическую форму будущего времени.

Пятая глава посвящена форме имперфекта от основы *буд-* **бүдѣше**.

Бүдѣше является формой имперфекта совершенного вида и рассматривается Ю.С. Масловым и А.А. Зализняком в одном ряду с формами имперфекта от других основ совершенного вида²⁰.

Семантика имперфекта СВ подробно описана Ю.С. Масловым, который показал, что эта форма соединяет значение процессуальности и узуальности со значением СВ. Согласно исследованиям Ю.С. Маслова, имперфект СВ, характерный прежде всего для восточнославянской письменности раннего периода, в раннедревнерусскую эпоху последовательно выступает в своем специфическом значении и имеет свою область употребления. Форма **бүдѣше**, согласно исследованиям Ю.С. Маслова, представлена в кратном-перфективном значении («многokrатно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения»²¹).

В более поздних памятниках происходит постепенная замена форм имперфекта совершенного вида, в том числе и **бүдѣше**, формами имперфекта несовершенного вида или презенса совершенного вида, причем последняя замена, по мнению Ю.С. Маслова, «соответствовала в наибольшей мере живому древнерусскому языку»²².

Как показало исследование, форма имперфекта от основы *буд-* **бүдѣше** является очень архаичным образованием и фиксируется только в наиболее древних книжных памятниках, таких как ЖФП, ПВЛ, ЖАЮ. В исследованных памятниках встретилось 11 случаев употребления **бүдѣше**. Большая часть примеров - 9 - зафиксирована в ЖФП, по одному примеру находим также в ЖАЮ и НПЛК в части ПВЛ.

В исследованных памятниках имперфект **бүдѣше** представлен в четырех типах структур: условной, присубстантивной, придаточном времени с союзом **дондеже** и в независимом употреблении. В протазисе условной конструкции **бүдѣше** фиксируется не только в житиях, но и в летописях, ср. примеры из ЖФП и ПВЛ: **аще бо бѹдѣше братъ льгъкъмь срдѣцьмь и теплъ на любѣвь Бжю то сии въскорѣ разоумѣвъ свою виноу падъ поклонѣше сѧ прощениѧ просѧ отъ него пригати** 'если, бывало, окажется брат с легким сердцем и отзывчив на любовь Божию, то он, быстро осознав свою вину, упав (на колени), делал поклон, прося принять от него прощение' [ЖФП, 38г-39а];

...тѣи бо князи не збираху многа имѣннѧ... но оже бѹдѣше правая вира, а тѹ възмя, даше дружинѣ на оружье '...ибо те князья не собирали большого имущества, но если, бывало, окажется справедливая пеня, то ее взимая, давали дружине на оружие' [НПЛК - ПВЛ, 1, 854г.].

²⁰ Маслов Ю.С. Избранные труды. М., 2004. С. 141-176; Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Издание 3-е, дополненное. М., 2008. С. 94-106.

²¹ Маслов Ю.С. Избранные труды. М., 2004. С. 150.

²² Там же. С. 157-158.

В протазисе условной конструкции **БУДАШЕ** выступает в значении '(бывало) окажется, обнаружится' - в том же значении, в каком употребляется презенс от основы *буд-* в раннедревнерусских памятниках в условных структурах, ср. пример с *будет* из РП выше.

На присутствие имперфекта **БУДАШЕ** в пассивном знании в раннедревнерусский период²³ и на функциональную близость **БУДАШЕ** и **БУДЕТ** в нарративе в контекстах узуального характера указывает использование имперфекта переводчиком ЖАЮ при передаче греческого презенса от глагола *γίνομαι* 'рождаться, становиться, делаться': ... **ОУГЛАДАШЕ МЪСТО ТАИНО КДЪЖЕ БУДАШЕ СБОРЪ НИЩИХЪ** 'высматривал тайное место, где, бывало, оказывалось сборище нищих' [ЖАЮ, 525-527]; ср. в греческом: *ἀλλ' ἀπετήρει τόπον κρυπτόν, ἐν ᾧ γίνεται συναγωγή πενήτων* 'но высматривал тайное место, в котором произойдет собрание нищих'.

В придаточных времени, вводимых союзом **ДОНДЕЖЕ**, и в независимом употреблении **БУДАШЕ** представлен в значении '(бывало) станет', характерном и для презенса *будет* (см. выше), ср: **ОТЪ МНОЖЕСТВА ЖЕ ОВАДА И КОМАРА ВСЕ ТЪЛО КГО ПОКРЪВЕНО БОУДАШЕ И ГАДАХОУ ПЛЪТЬ КГО** '...все тело его, бывало, станет покрыто множеством оводов и комаров и (они) кусали тело его' [ЖФП, 366].

Таким образом, в употреблении **БУДАШЕ** прослеживается (хоть и с меньшей последовательностью) та же тенденция к распределению различных вариантов значения между структурами разных типов, характерная и для презенса *будет*, а также выявляется семантическая близость форм презенса и имперфекта в контекстах узуального характера, которая могла способствовать развитию у основы *буд-* модального значения возможности (ср. об этом также выше гл. I).

Шестая глава посвящена описанию различных типов употребления императива от основы *буд-*.

Как показало исследование, в форме *буди* модальное значение основы *буд-* соединяется с типологической склонностью форм повелительного наклонения к развитию многозначности. Императив *буди* в памятниках употребляется в 4-х значениях: собственно императивном и оптативном, типичных для форм повелительного наклонения, а также в значениях обусловленности и уступки.

В собственно императивном значении *буди* зафиксирован в формах 2-го и 3-го лица ед.ч.

Буди, как никакая другая форма повелительного наклонения, в собственно императивном употреблении сохраняет связь с оптативом, к которому исторически восходит²⁴. Данная семантическая особенность *буди* связана с тем, что в отличие от прототипических императивных форм, которые образованы от акциональных глаголов, обозначающих действия, *буди* как императив бытийного глагола обозначает прежде всего то, что субъект волеизъявления желает, чтобы наступило некоторое *состояние*: *буди* Р – 'субъект волеизъявления хочет, чтобы наступило состояние: Р существует в поле зрения/сознании Наблюдателя', ср. примеры с

²³ Об оттеснении аориста и имперфекта в сферу пассивного знания не позднее XII в. см.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 154-156.

²⁴ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1934/2001. С. 264.

формами 2 и 3 л.ед.ч.: **ны же ци хр̄ст҃у ч̄ст̄номуу оуправити такоже еси цѣловалъ бѣди со мною** ‘... как ты клялся, будь на моей стороне (т.е. я хочу, чтобы наступило состояние: ты на моей стороне)’ [КЛ, 137, 1149г.];

братѣа моа и друзи мои, не бѣди на вас проклятиа ни отлученна мене ради; едѹ из града вашего вонѣ ‘братѣа мои и друзѣа мои, да не будет (я не хочу, чтобы было) на вас проклятия или отлучения из-за меня; уезжаю из вашего города’ [Пск. 3 лет, 17, 1327г.].

Некнижный характер большинства контекстов, в которых употребляется императив 3 л. *буди*, говорит о том, что данная форма должна была быть достаточно распространена в живом языке, ср. примеры из СГ и прямой речи КЛ: **а вашоמוу гостевн сѣмо бѣди поутѣ чистѣ. а нашоמוу гостевн бѣди кѣ вамѣ поутѣ чистѣ** ‘а вашему купцу здесь пусть будет путь свободен, а нашему купцу пусть будет к вам путь свободен’ [СГ, 1284г.]; **Изяславъ же рече ко королеви сн҃у тако бѣди** ‘Изяслав же сказал королю: «сын, пусть будет так»’ [КЛ, 1152г., 161об.].

Большинство случаев употребления *личной* формы императива 3-го лица в императивном значении относится к раннему периоду (ср. пример из КЛ), а к XV веку указанная форма в прямом значении практически выходит из употребления, сохраняясь только в устойчивых формулах или в транспонированном употреблении, о котором см. ниже.

Буди в оптативном значении в форме 3л. встречается в памятниках значительно чаще, чем в императивном (из 40 примеров с *буди* в форме 3л.ед.ч. 24 зафиксировано в составе формульных конструкций с оптативным значением), что также, по-видимому, связано с семантическими особенностями *буди*, о которых шла речь выше, ср.: **бѣди, госѹдарь, здравѣ на многіе лѣта на Богомѣ дарованномѣ тебѣ царствѣ Казанскомѣ** ‘...будь, государь, здоров долгие годы на дарованном тебе Богом царстве казанском’ [Никон. лет., 219, 1553г.].

Примеры, в которых *буди* контекстуально принимает значение обусловленности, показывают механизм закрепления условного значения за формой императива, ср.: **онъ же рече сн҃у тако ти и гораздо готовѣ бѣди на передѣ иди** ‘он же сказал: сын, так тебе и надо (сделать), готов будь, иди впереди (раньше)’ [КЛ, 1147г., 126]. Благодаря тому, что одно событие следует во времени за другим, может возникнуть инференция: события логически связаны, второе событие обусловлено первым. Данная модель могла закрепиться в языке: происходит т.н. «синтаксический реанализ» - «соединение употребленных рядом самостоятельных побудительного и повествовательного высказываний в единое осмысленное целое»²⁵. Этот процесс осуществлен в современном русском языке. В говорах процесс реанализа мог идти еще дальше, чем в литературном языке, и *буди* в значении обусловленности, теряя предикативность, независимо или в сочетании с формантом местоименного происхождения *то* превращался в условный союз, ср.: **буть не обосплюсь, не просплю**, онеж. ‘если не засплюсь, не проспю’²⁶.

²⁵ Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. С. 123.

²⁶ Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982. С. 167.

В рамках уступительного значения *буди* в позднерусский период обнаруживает некоторую тенденцию к функциональному сближению с разделительным союзом, ср.: **А за все то взати князю у Новагорода двенадцать тысячи серебра, буди Андрееве дети, буди Машко з детми, или Юри Калека и все талцики** ‘...*будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детми, или Юрий Калека и все заложники...*’ [ГВНП, №11, 1316г.]. Однако эта тенденция не находит продолжения в памятниках XV - 1 пол. XVI вв., хотя в современных говорах есть разделительный союз *буде*, который может восходить как к презенсу *будет*, так и к императиву *буди*.

Начиная с XV века *буди* употребляется в основном в составе конструкций «местоимение + ни буди». Эта структура, по-видимому, была характерна для живого языка указанного периода, поскольку все зафиксированные случаи ее употребления представлены в контекстах не книжного характера, большинство этих контекстов – в московских грамотах (22 примера), однако конструкция «местоимение + ни буди» встречается также в новгородско-псковских грамотах (5 примеров), Строевском списке Пск. 3 лет. (5 примеров) и Никон. лет. за 1 пол. XVI в. (2 примера).

Между памятниками центра и северо-запада обнаруживаются диалектные различия в характере употребления данных структур. Прежде всего, отмечаются различия в их частотности. В московских грамотах конструкции «местоимение + ни буди» встречаются в несколько раз чаще, чем в новгородско-псковских: 22 случая в первых и всего 5 в последних при примерно равном объеме текстов. Такое же количество употреблений (всего 5), как в ГВНП, представлено и в Пск. 3 лет. Кроме того, в московских грамотах преобладающим является употребление рассматриваемых конструкций в т.н. *альтернативных* ситуациях, в которых в современном русском языке употребляются неопределенные местоимения на – *нибудь*²⁷, ср.: **А мнѣ, г(о)с(поди)не, [кнѣзь ве]лики, слышев ѿт ког(о) ни буди в вашом добрѣ и в лисѣ, скажат(и) вам по тому ж в правдѣ** ‘*А мне, господин великий князь, если я услышу от кого ни будь (ни окажись) о добром для вас или о худом, (надлежит) сказать вам также без обмана*’ [ДДГ, №66, ранее 1472г.].

Напротив, в памятниках северо-западного ареала такие контексты фиксируются значительно реже (по одному примеру в ГВНП и Пск. 3 лет.), тогда как более частотным типом употребления рассматриваемой структуры здесь является ситуация-обобщение, ср.: **Се купи игуменъ Варламъ... пожни, и полѣшии лѣсъ, и ловища повенецкиє, гдѣ ни буди, всѣ без вывета** ‘*Вот купил игумен Варлам... луга, и мелкорослый лес, и места для рыбной ловли, где ни окажись, все без исключения*’ [ГВНП, №313, 1465-1478г.].

Исследование показало, что именно употребления «мест. + ни буди» в альтернативной конструкции в большей степени обнаруживают тенденцию к переосмыслению синтаксической функции и сближению с разрядом неопределенных местоимений.

Диалектные различия в употреблении рассматриваемых структур связаны также с просодическим статусом частицы *ни*. Материал исследованных

²⁷ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 2004. С. 207-220.

памятников показывает, что в московском диалекте XVв. *ни* функционирует как проклитика, ср. пример, в котором *ни* обнаруживает привязку не к местоимению, а к *буди*: **А мнѣ, великому кн(а)зю, в д(у)шегубствѣ, и в розбои, и в татѣѣ с поличным, и в протамож(ь)и, и в каковѣ дѣлѣ ни буди, твоих люден судити и казнити вола во всем** [ДДГ, №84 а, 1496г.]. Северо-западные памятники не дают контекстов, показательных в этом отношении, однако, согласно выводам А.А. Зализняка, Строевский список Пск. 3 лет. отражает энклитическое употребление частицы *ни* (в более позднем Архивском списке XVIIв. *ни* употребляется уже как проклитика)²⁸.

Возможно, сама тенденция к морфологизации *буди* в составе местоимения зарождается именно в центральной диалектной зоне, где уже в XV веке частица *ни* употребляется как проклитика.

В северо-западной диалектной зоне частица *ни* могла дольше сохраняться как энклитика, благодаря чему мы находим в современных северо-западных говорах неопределенные местоимения с *ни*, но без *буди* (*где-ни*, *кто-ни* и под.).

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования.

Исследование выявило следующие особенности употребления и эволюции образований от основы *буд-*.

Формы от основы *буд-* в древнерусском языке обладали перцептивно-модальным семантическим компонентом 'начнет существовать в поле зрения/сознании наблюдателя', чем и обусловлены различия в синтаксической сочетаемости этих форм в древнерусском и в современном русском языке.

Последующее развитие образований от основы *буд-* проходило в двух направлениях.

В рамках первого направления полнозначительный *будет* в некоторых типах употребления, вспомогательный *будет* в составе конструкций *будет* + л и *будет* + инфинитив + Dat., а также связочный *будет* в значении 'окажется, обнаружится' из конструкций *будет* + причастие на *н/т* и *будет* + наречие/категория обнаруживают тенденцию к сближению с разрядом служебных слов (условным союзом, модальной частицей). Этот процесс связан с употреблением *будет* в условных и местоименно-соотносительных предложениях и отражается в контекстах не книжного характера.

В рамках этого же направления зарождается тенденция к морфологизации *ни буди* в составе форманта неопределенного местоимения. Обе тенденции возникают в диалектной зоне Центра.

В рамках второго направления *будет*, употребляясь в составе связочных структур в значении 'окажется, станет', утрачивает перцептивно-модальный семантический компонент, что способствует закреплению *будет* в качестве показателя будущего времени.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Пенькова Я.А. Императив *буди* в деловых и летописных памятниках XII-XIVвв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. №4. С. 120-126. – 0,4 п.л.

²⁸ Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 200.

2. Пенькова Я.А. Императив *буди* в памятниках XVвека: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на *-нибудь* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. №1 (21). С. 251-265. – 0,9 п.л.

3. Пенькова Я.А. Конструкции с формами будущего времени глагола *быти* в памятниках деловой письменности XII-XIVвв. // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 11-14 апреля 2007г. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 101-103. – 0,2 п.л.

4. Пенькова Я.А. Императив от основы *буд-* в памятниках древнерусской письменности XII-XIVвв. // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 7-11 апреля 2008г. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 153-156. – 0.2 п.л.

5. Пенькова Я.А. *Будеть* в языке деловой письменности XII-XV вв. как источник формирования служебных слов // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 13-17 апреля 2009г. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 162-164. – 0,2 п.л.

6. Пенькова Я.А. *Будеть* как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII-XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 208-215. – 0.5 п.л.